

ПЁТР ТКАЧЕНКО

“ВАС, БРАТЯ ДАЛЁКИЕ, ИЩЕТ МОЙ ВЗОР...”

Выходу этой книги, по всем внешним признакам, следовало бы только радоваться. Имею в виду довольно внушительный по объёму сборник рассказов северокавказских писателей “Война длиною в жизнь” (М., Фолио, 2007), составленный известным писателем Гарием (Гурием) Немченко, выпущенный при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы “Культура России”. Издание организовано Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ (Фонд С. А. Филатова).

Радоваться выходу этой книги следовало потому, что она находится вроде бы в общем русле предпринимаемых ныне усилий по воссозданию единого культурного пространства на основе русского языка как языка межнационального общения, который “доказал свою способность объединять все сопряжённые с русской национальные культуры” (Улданай Бахтикиреева, “Литературная газета”, № 41, 2007). Пагубность же разрушения единого культурного пространства в наши революционно-демократические годы, причём для всех без исключения литератур, в том числе и для русской, кажется, наконец-то осознаётся.

После долгого перерыва, не обошедшегося без потерь для литератур, в Переделкино возобновились встречи писателей республик России и ближнего зарубежья, наконец-то начался “диалог после паузы”. Проводятся форумы творческой и научной интеллигенции стран СНГ. Указом президента РФ создан Фонд “Русский мир” (исполнительный директор Вячеслав Никонов). Кажется, нешуточное внимание обращается на состояние русского языка, которое, будем надеяться, “годом русского языка” не завершится. “Литературная газета” выпускает регулярные и содержательные вкладки “Многоязыкая лира России”, состоялся Международный конгресс писателей русского зарубежья “Русское слово — связующая нить времён”.

Правда, что касается чисто организационных, массовых мероприятий, безусловно, необходимых для выработки общей позиции и для дальнейшего сотрудничества, то в них чувствуется, не хочется думать — некий сокрытый подвох, — но все же изрядная доля формальности. Видимо, это дало право Леониду Бахнову задать столь трудным вопросом о переделкинских встречах, при всей их замечательности и необходимости: “Но почему же после всего этого (а иногда и во время) не оставляет ощущение чего-то не до конца всамделишного, какой-то, что ли, курортной дружбы?” (ЛГ, 21—27 ноября, 2007). Будем полагать, что это неизбежное проявление самого формата мероприятий, как первоначальной стадии сотрудничества. И все же ощущение это, подмеченное Леонидом Бахновым, остаётся. А объясняется оно, по всей видимости, тем, что мы все ещё недостаточно точно, объективно и беспощадно оцениваем то печальное и даже трагическое состояние, в котором в равной мере оказались как русская, так и национальные литературы. Иначе бы мы начали с восстановления литературно-художественного процесса и

статуса русского языка как языка межнационального общения у себя дома, в России, отдавая себе полный отчёт в том, что без этого наших планов громадьё на постсоветском пространстве, а уж тем более в дальнем зарубежье, просто неосуществимо. К тому же нынешнее русское зарубежье совсем не то, что первая волна русской эмиграции...

Поддержка программ изучения русского языка за рубежом — дело, безусловно, нужное. Но взятое как заглавное, без учёта состояния русского языка в самой России, оно имеет смысл лишь при единственном условии — если будет “способствовать продвижению интересов России, опираясь на представителей собственной нации, оказавшихся за рубежом”, — о чём справедливо писал Евгений Андриченко (ЛГ, № 47—48, 2007). И потом, наше общество всё ещё находится в таком состоянии, что нам впору в первую очередь составлять программы ликвидации безграмотности в России...

И всё-таки замечательно, что контакты представителей разных литератур начались, что осознаётся ничем не оправданная утрата для литератур русского языка как языка межнационального общения. Такие контакты по самой своей природе и должны быть деликатными и дипломатичными. Не на них же ведь создаётся литература. Вся их оправданность скажется потом, когда последуют конкретные дела, когда мы выйдем из оцепенения, навеянного на нас “рынком”, к литературе мало приложимым, когда возродим переводческую школу, начнут выходить книги и будет создана новая система их распространения, то есть когда восстановится литературно-художественный процесс. Понятно, что это потребует финансовой поддержки. И лучше всего — государственной, а не какой-то иной, ибо слишком памятна для нас “поддержка” толстых журналов Соросом, по сути разрушавшая их...

Сборник рассказов северокавказских писателей “Война длиною в жизнь” и представлялся первым реальным делом на таком непросто поприще воссоздания культурного пространства и единения народов России через литературы.

Потому-то выходу такой книги, казалось бы, и следовало только радоваться. Но после её прочтения не только не наступает удовлетворение, она просто повергает в тяжкие размышления. И прежде всего потому, что она кричаще противоречит всем декларациям о воссоздании культурного пространства и о единении народов России, озвучиваемым на разных уровнях — от государственных до писательских... Не заметить этого невозможно, как и нельзя не задаться вопросом: почему так произошло?

Прежде всего поражает название книги — “Война длиною в жизнь”. Почему апологетика войны, в нем ясно и недвусмысленно сказавшаяся, по сути ее мировоззренческая реанимация, вбрасывается в общественное сознание в столь сложное время, когда необходимы осторожность, деликатность и ответственность? Ведь, как известно, Кавказская война закончилась в 1864 году... Примечательно, что составитель книги Г. Немченко на её презентации в Центральном доме литераторов так и не смог ответить на этот заданный ему сакраментальный вопрос. По словам составителя, на этом настояли в ультимативной форме издатели. Издатели, тут же находившиеся, уклонились от ответа на тот же вопрос. Но после этого М. Швыдкой убеждал собравшихся, что цензуры у нас нет...

С простодушной наивностью Г. Немченко признаётся на страницах журнала “Российская Федерация сегодня”: “Но пришлось принять издательские “правила игры” — вышло то, что вышло” (№ 24, 2007). Это в свою очередь не может не вызвать вопросы. А, собственно, чем руководствовались издатели, настаивая на столь, что уж там говорить, провокационном названии книги? Мы-то полагали, что они могут руководствоваться только соображениями рыночными. Оказывается, нет. Перед нами — соображения мировоззренческие и даже идеологические. В таком случае, что же это у нас за такие “издатели”, которые сами всё разумеют помимо писателей? С другой стороны, что же это за писатели, которые могут столь легко соглашаться на что угодно, даже на прямо противоположное тому, что задумывалось и что декларируется?..

Достаточно ли вески аргументы составителя для того, чтобы дать именно такое название книге, изложенные им во вступительной статье? Нет, они абсолютно недостаточны. Более того, выглядят и вовсе какими-то безответственными. Составитель задаётся риторическим пожеланием: “Давненько бы всем нам пора уже — о “кавказском мире”!” Но тут же ссылается на некоего анонимного “одного спорщика”, и эта ссылка оказывается главным аргументом для того, чтобы концепция книги оказалась прямо противоположной ожидаемой, вовсе не в русле тех усилий по воссозданию единого культурного пространства, о которых я говорил: “Но так или иначе она продолжается! — горючо настаивал один из спорщиков. — Где явная, а где скрытая, но — идет. И давайте смотреть правде в глаза”. Но, видимо, понимая всю несостоятельность такой аргументации, да и неприглядность действия, в котором он участвует, составитель от исторической войны переходит к брани духовной за души людей, хотя эти столь разные понятия нет никаких оснований подменять друг другом.

Таким образом, из запальчивости какого-то случайного “спорщика” составителем выводится якобы правда о Кавказской войне. Но эта правда находится совсем в иной мировоззренческой и исторической системе координат. Это же какое-то и вовсе обывательское, далёкое от истинности представление, словно и не было полутора веков осмысления этой войны как русскими учёными, так и учёными республик, в Россию входящих. И главное — при таком упрощённом подходе игнорируется уникальная многонациональная особенность России, составляющая наше огромное преимущество и богатство. А потому, хотя перед нами издание литературное, собственно литературного обсуждения пока не выходит, так как оно подменено теми стереотипами и идеологическими догмами, отнюдь не новыми, под которые книга подогнана.

Ещё раз вынужден сказать о том, что я абсолютно согласен со своевременными и важными декларациями о воссоздании единого культурного пространства, о сближении народов через их литературы. Согласен и с замечательным замыслом книги. Но меня в первую очередь интересует то, что у составителя, по его собственному определению, “было”... Иначе правильные декларации превращаются в никому не нужные красавицы.

Эта книга имеет своеобразную структуру. Вопреки стандартам и традиции составления подобных сборников, когда за вступительной статьёй составителя следуют собственно произведения авторов, в эту книгу включена и вторая статья, обозначенная как “эссе” экстравагантного псевдоисторика Мурата Аджи “Мы говорили на одном языке...” При всём желании в такой структуре книги трудно не усмотреть определённого умысла, вольной или невольной тенденциозности, имеющей, безусловно, мировоззренческую и идеологическую природу.

Мурат Аджи (ранее подписывавший свои писания фамилией — Аджиев), известный своими эпатажными публикациями и книгами, обуреваем навязчивой идеей видеть во всей мировой цивилизации тюркскую языковую и культурную основу. Понятно, что при столь экстравагантных представлениях о человеческой цивилизации русскому языку и русской культуре в его воззрениях просто не находится места. Он их не признаёт как таковые, хотя и пишет на русском языке. А потому его размышления носят откровенно антирусский характер, ибо факты, имеющие в истории совершенно иной смысл, он подстраивает под свою тюркскую теорию, то есть занят делом вполне идеологическим. По его убеждениям, “модель российской истории... разработали иезуиты”. Не кто иной, как “тюрки основали Киевскую Русь и Московское государство”. О каждой странице русской истории у него — “альтернативное” суждение: “Это в Риме, оказывается, придумали подвиги Александра Невского”. Да и вообще “историю Руси писали тюркскими символами” (“Литературная Россия”, № 50, 2004).

Об антиисторических и антирусских писаниях Мурата Аджи — разговор особый. Пусть в этом разбираются историки. Но о самом типе его мышления я не сказать не могу, так как он далеко не нов и хорошо узнаваем в нашем общественном сознании по временам совсем недавним. Состоит же он в том, что для того, чтобы выдвинуть столь экстравагантные суждения, отрицающие русскую историю, надо всю предшествующую историографию представить как “официальную ложь”, всех историков — “официальными историками, труды которых просто скучно читать”. Словно основным достоинством истинно исторических исследований является их занимательность. Тут обязательна апелляция к цензуре, “под дамочным мечом” которой работали историки в советское время, которых “заставляли фальсифицировать результаты”. Наш же автор, согласно его заявлениям, свободен...

На это можно сказать лишь то, что абсолютизация своего времени — представление упрощённое, свидетельствующее об отсутствии действительно исторического мышления, что первым признаком дилетанта является уверенность в том, что до него об этом никто не думал. Верной приметой малого таланта, по словам Валериана Майкова, является громадность замыслов. Непременной особенностью таких тенденциозных представлений об истории является неприятие иных точек зрения. Они просто отменяются за ненужностью. А всякий исследователь, дерзнувший подвергнуть сомнению этот эпатаж на поприще историческом, выставляется не иначе как “враг” и “противник” (“Литературная Россия”, № 49, 2007).

Эта апелляция к цензуре не корректна по отношению к предшествующим учёным потому, что под неё подпадали, как правило, те, кто готов был подпасть. И далеко не все учёные работали с оглядкой на неё. Во всяком случае, Льва Гумилёва в этом упрекнуть трудно, в сравнении с которым Мурат Аджи, по его собственному признанию, “может и должен сказать больше”... Причём вовсе не потому, что он обладает более обширными познаниями, чем Лев Гумилёв, а лишь потому, что наш автор якобы не зависим от цензуры, “издательских планов и редакторов”. Но изменение форм зависимости не значит, что её вовсе нет. И это вполне проявляется в наше время разрушенности литературно-

художественного процесса, да и пресечения исторической науки. Ежели наш автор этого не замечает, значит, он ещё более зависим, чем во времена прямой, узаконенной цензуры. И не столь важно, осознанно он подпал под эту зависимость или бессознательно. Там же, где требуется действительно исторический подход и трезвый анализ, Мурат Аджи всё ещё пробавляется наспех написанной классово-марксистской памфлетной публицистикой о “колониализме” и “царизме” (“Плач по Кавказской Албании”, “Литературная Россия”, № 47, 2005). Только одного этого факта достаточно для того, чтобы уяснить суть его воззрений и представить его экзотические забеги в необозримые дали истории не более как отвлекающими внимание читателей. Впрочем, это могут быть и вполне искренние убеждения автора, что сути дела, разумеется, не меняет.

К сожалению, приходится делать этот краткий экскурс в псевдоисторические писания Мурата Аджи, так как они полностью сказались в его статье рассматриваемой книги “Война длиною в жизнь”. Прежде всего — это отрицание русского языка. Автор статьи обращается к читателям с риторическим вопросом: “На каком языке мы с вами говорим, уважаемые читатели?” И тут же “уважаемым читателям”, ничего до него не разумевающим, даёт ответ: “Предупреждаю, ответ не столь очевиден, как кажется поначалу. Да, язык все назовут русским, а так ли это?” По логике автора это, конечно же, не так, ибо, как он считает, в X веке русским языком считали язык скандинавов, потому что их звали русами. Поскольку автор нам предлагает всего лишь декларации, мне остаётся в связи с этим сослаться на глубокую лингвистическую работу академика О. Н. Трубачёва “К истокам Руси”, в которой он блестяще доказал, что не со скандинавского Севера, а с Юга пришло самоназвание страны Русь: “С Юга же неуклонно ширилась и входила в обиход форма *rus*, откуда, в конце концов, и утвердилось *Русь*... с Юга на Север, а не наоборот” (М., 1993). Почему Мурат Аджи, решивший пересмотреть всю историю мировой цивилизации, в данном случае повторяет давно обветшавшую теорию западного толка, трудно сказать.

Но коль нет русского языка, то древнерусского и подавно не было. В связи с этим у автора возникает “очень щекотливый вопрос” со “Словом о полку Игореве”, которое, по убеждению Мурата Аджи, написано “по правилам тюркской поэтики”. И могло быть написано или на шведском языке, или на тюркском, “третьего не дано”. Это примерно то же самое, что по прошествии времени в литературе миновавшего жестокого XX века будут выискивать советский язык, отрицая русский...

Примечательно, что поэт Виктор Широков в рецензии на эту книгу в “Литературной газете” утверждает, что “Слово” — это “памятник прежде всего тюркского языка”, оставляет на совести автора и взывает к специалистам (№ 52, 2007). Странная позиция поэта там, где речь идёт вовсе не об истории, а о памятнике литературы. Не надо быть особенным знатоком древнерусской литературы, чтобы в суждениях Мурата Аджи о “Слове” заметить явные несообразности. Он апеллирует в основном к переводам древнерусской поэмы. Но её переводы — только один и далеко не главный способ её постижения. Поэтические же переводы и вовсе почти не имеют отношения к постижению “Слова”, так как они свидетельствуют о степени поэтического дарования переводчиков, но не автора древнерусской поэмы. Имеет действительное значение лишь научное лингвистическое объяснение текста. Да, среди учёных были и такие, которые, будучи не в силах прочитать текст древнерусской поэмы, “исправляли” его. Но это не даёт абсолютно никакого повода усмотреть в “Слове” “тюркскую поэтику”.

Приходится столь подробно останавливаться на этом, чтобы показать “методологию” анализа Мурата Аджи. Она же сводится к тому, что во всяком намёке или проявлении в русской культуре иных культур он видит не восприимчивость к ним русского народа — драгоценнейшее качество, в равной мере принадлежащее как русскому народу, так и народам, с ним сопряжённым, — и даже не естественные заимствования, всем языкам присущие, но якобы свидетельство нашей доязыческой прародины Дешт-и-Кипчак. То есть уникальное свойство русского народа принимать в ареал своей жизни другие народы тем самым вульгаризировано и испошлено.

Спрашивается — зачем столь неуместная статья включается в такую книгу? Если это имеет некий “высший” смысл, то есть идеологический и политический, мы его обязаны обнажить, как бы нам ни хотелось поговорить собственно о литературе. А о произведениях, вошедших в книгу “Война длиною в жизнь”, есть что сказать. Во всяком случае, я не вижу причины для эдакого всеобщего ликования, которое пытается представить Гарий Немченко во вступительной статье. К стати сказать, и вступительная статья с образным названием “Наборный пояс России” не лишена тех же тенденциозностей, что и “эссе” Мурата Аджи. Конечно, в более смягчённой и велеречивой форме. Здесь — то же решительное развенчание “опостылевшего всем официоза”, под которым надо разуметь пересмотр того сопряжения народов Северного Кавказа, которое во времена не столь отдалённые было, и в то же время по сути возвращение к прежнему положению: “Восста-

новить единое духовное пространство Юга России”. Причём видится это составителем книги возможным в одностороннем порядке, лишь со стороны России. Иначе как можно понять претензию к России, которая якобы и почему-то не хочет восстановления единого духовного пространства: “Осознает ли наконец новая нынешняя Россия смысл старой горской символики?” Отсюда — признание составителем книги “энергетики”, витающей незримо над Северным Кавказом, во всех народах, там живущих, за исключением русских людей, в частности, казаков, которые способны разве что на подражание, “надевших на себя традиционную горскую черкеску и тот самый наборный пояс”. То есть перед нами то же самое упрощенное представление, что и в статье Мурата Аджи, когда восприимчивость русского человека к иным укладам жизни и культурам, на которой только и возможно восстановление единого духовного пространства, выставляется всего лишь как подражательность...

Наряду с этим утверждение составителя книги, что “каждая национальная литература” не только выстояла, но и “утвердилась и уверенно обрела “второе дыхание”, “прибавила и глубины и мастерства”, мне кажется, мягко говоря, не вполне честным по отношению к соотечественникам по перу из республик. В том-то и дело, что мы так прочно связаны во всех отношениях, в том числе и в культурном, что не может быть, по определению, расцвета литературы в каком-то отдельно взятом регионе России. Отсюда очевидно, что восстановление статуса литературы в обществе в равной мере — *наша общая задача*. Понятны осторожность, деликатность и тактичность составителя книги, но все же они не должны переходить ту грань, за которой искажается наше общее печальное положение дел в литературе.

Кстати, никакого “второго дыхания” в литературах не усматривают сами писатели и ученые республик. К примеру, доктор филологических наук Зейтун Толгуров пишет на страницах “Литературной газеты”: “Утрачены умение ценить художественность, настоящее мастерство. Подлинное в искусстве заменено мнимым, чему способствует широкое распространение массовой литературы” (№ 41, 2007).

Может быть, русские писатели, позабыв о своих братьях из республик, пребывают в нормальном творческом состоянии? Нет. Они, что называется, уже криком кричат о том разрушении культуры в России, которое устроено вполне рукотворно. К примеру, Алексей Плугарь пишет: “Всё сегодня практически целиком поглощено “свободным рынком”, несмотря на то, что государство продолжает бюджетное финансирование почти всех этих отраслей искусства”. И совершенно справедливо задаётся риторическим вопросом, ответ на который очевиден: “Или проблемы не совсем финансовые?” И далее автор опять-таки справедливо отмечает: “Российское телевидение, кинематограф, литература, эстрада претерпели глубокую “американизацию”. Это, называя вещи своими именами, культурное порабощение, культурная оккупация. Ни больше ни меньше...” (“Литературная газета”, № 30—31, 2006).

Привожу эти свидетельства, как наиболее характерные, с единственной целью, чтобы представить объективную ситуацию: то трагическое положение, в котором оказались наши литературы, — наша общая беда, и поправлено оно может быть только нашими общими усилиями. По этой логике подавление русской литературы “рынком” должно было быть воспринято не только русскими писателями, но и писателями республик как наша общая трагедия. Никакие “новые реалии”, никакое “изменение мировоззрения”, происшедшие в России, тем более, по признанию и национальных писателей, совершенно неблагоприятные, конечно же, не давали повода для “новой самоидентификации”. Хотя бы потому, что культура, литература, народное самосознание — не те сферы человеческого бытия, которые при каждом “новом реалиях” должны предпринимать поиск “новой самоидентификации”... Даже “уход определённой культурно-советской универсальности в прошлое” (Улданай Бахтикиреева) при всей сложности и трагичности сложившегося положения тоже ведь не давал повода ни для новых геополитических поисков, ни для “новых самоидентификаций”. Не давал потому, что эта *универсальность* во взаимоотношениях наших народов и культур в большей мере обуславливалась всё-таки русским языком, а не идеологизированной советскостью. Вполне справедливо писал доктор философских наук Николай Денисов о причинах беспокойства Северного Кавказа, видя их в том, что отечественная мысль разошлась со своей корневой плотью: “Реформы и “измы” буксуют потому, что они вошли в конфликт с традиционной культурой народа и не имеют человеческого ментального измерения... Подавляющее большинство населения региона, как и всей России, оказалось отчуждённым от базовых оснований жизнедеятельности: сырьевых богатств, занятости (при свёрнутом производстве), власти, доступности образования и культуры, прожиточного минимума” (“Новая газета Кубани”, № 68, 2006). Доказательством справедливости этого положения и является то, что мы наконец-то осознаём необходимость восстановления единого культурного пространства на основе русского языка.

Абсолютно ясно, что только при условии обоюдной осторожности, тактичности и уважительности, только при условии равноправия культур и честного ответа на вопрос о том, почему снова произошло революционное разрушение России, можно восстановить единое культурное пространство на основе русского языка. Иного пути просто нет.

От апологетики, столь однозначно сказавшейся во вступительных статьях книги, как это ни печально, более всего пострадали представляемые авторы, северокавказские писатели. Ведь “вдумчивые читатели”, на которых книга рассчитана, что отмечено в аннотации, ознакомившись с такой её направленностью, безусловно посчитают, что это очередная, уже, что называется, в зубах навязывая, мало на чём основанная и несправедливая антирусская идеология. Не думаю, что после этого найдётся столь уж много “вдумчивых читателей”, которые ознакомятся с представленными в книге литературными произведениями... Таким образом, прекрасный замысел книги во многих мерах, по всей вероятности, остался неисполненным. Формально да — книга-то ведь перед нами, — но не по сути.

Кроме того, концепция книги “Война длиною в жизнь”, сказавшаяся в её названии и в её структуре, имеет ещё одну подоплеку, сегодня особенно важную и злободневную, так как относится она к осмыслению Кавказской войны вообще. И тут мы должны сделать краткий экскурс в историю.

Как известно, Кавказская война долгое время не поддавалась объективному, научному осмыслению по причине её типологического неопределения. И главным образом по обстоятельствам идеологическим.

Как это ни странно, первенство в осмыслении Кавказской войны принадлежит зарубежной, британской публицистике. Потом на этом поприще постарались классики К. Маркс и Ф. Энгельс, сочувствовавшие горцам, видевшие в их борьбе освободительную войну, приближавшую гибель царизма, то есть русской государственности. Абсолютно такой же тенденции придерживались наши революционные демократы — Н. Добролюбов, Н. Чернышевский, А. Герцен. Справедливо писал В. В. Дегоев в статье “Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги”: “Представители антисамодержавной политической мысли, они рассматривали Кавказскую войну в едином контексте социально-освободительных и антиколониальных движений против русского царизма... сочувствовали всему, что, по их мнению, подрывало общественно-государственный строй России” (“Сборник русского исторического общества.” Том № 2 (150), М., “Русская панорама”, 2000). Ничего научного, исторического в этих публицистических, памфлетных писаниях, конечно же, не было: “Природа “восхищения и любви” классиков (к горцам. — П. Т.) имела вненаучное происхождение, была связана с их политико-идеологической ориентацией и чувством русофобии, которое в советской историографии упорно именуется священной ненавистью к царизму” (В. В. Дегоев). Что же касается антиколониального характера борьбы, то, по справедливому замечанию того же В. В. Дегоева, “антиколониальная составляющая их (социальных конфликтов на Северном Кавказе. — П. Т.) — вообще миф” (“Содружество НГ”, № 5, 2001 г.).

В силу известных обстоятельств идеологического характера это вненаучное представление о Кавказской войне переключалось и в советскую историографию, отличаясь откровенно классовым характером, якобы существующим внутри горских обществ начала XIX века.

И только в 1947 году была сделана первая попытка пересмотра общепринятой концепции Кавказской войны, анализа и научной оценки её причин, характера и последствий. А в 1956—1957 годах развернулась широкая дискуссия о Кавказской войне. В связи с этим невольно возникает мысль: а не предпринято ли издание рассматриваемой нами книги к пятидесятилетию той дискуссии... Но и та дискуссия вскоре была свёрнута, и к восьмидесятым годам миновавшего века понимание Кавказской войны, по определению В. В. Дегоева, “находилось в состоянии глубокого кризиса”. Хотя честные учёные прекрасно понимали, что невозможно объективно объяснить всю сложность Кавказской войны, если политику России вопреки историческим фактам представлять лишь “имперской”, а то и “великодержавно-шовинистической”, а горских народов — “национально-освободительной”.

И только в 1994 году в издательстве “Росет” вышла монография М. М. Блиева и В. В. Дегоева “Кавказская война”, работа над которой велась более десяти лет и завершение которой совпало со “второй Кавказской войной”, то есть с событиями в Чечне, нанесшими труднопоправимый урон российскому обществу в целом.

По сути, в то время, когда историческая мысль только-только подошла к научному осмыслению Кавказской войны, нам стало вновь не до объективного о ней представления. Как писали В. А. Георгиев и Н. Г. Георгиева в статье “Кавказская война (1829—1864)”, определяя “причины складывания враждебного России государства на Северном Кавказе и самой Кавказской войны, следует учитывать не только внешний фактор (рус-

скую экспансию), но и сложные социально-политические процессы, происходившие среди северокавказских народов в 20-х годах XIX в. Это отвечает современному, объективному пониманию сложности возникновения и развития Кавказской войны и во многом расходится со сложившимися ранее историографическими отечественными стереотипами, в значительной степени политизированными и зачастую лишёнными глубокого научного обоснования”.

Удивительно, как сходно понимание Кавказской войны революционными демократами позапрошлого века и “демократами” наших дней, которое снова выставляется как “передовое” и “прогрессивное”, несмотря на уже имеющийся печальный опыт. Но, к сожалению, этот, может быть, основной аспект выпадает из поля зрения исследователей. Между тем очевидно, что как “антисамодержавная” политическая мысль только осложняла и запутывала взаимоотношения русского народа и народов Северного Кавказа, так и нынешние либерально-фундаменталистские воззрения, особенно на государственном уровне, не способствуют сближению народов в этом этнически пёстром регионе России.

Стало абсолютно очевидно и то, что осложнение положения на Северном Кавказе в наше время связано не с “имперской” политикой центральной власти, а с отказом от этой политики, с её искажением, с той деградацией культурной и хозяйственной, которой подверглась Россия в результате новой идеологической экспансии...

Всё это имеет самое прямое отношение к рассматриваемой книге “Война длиною в жизнь”. Её концепция и её направленность, столь однозначно сказавшиеся в самом названии и во вступительных статьях, по сути, пытаются возратить наше общественное сознание к сектантскому марксистскому и революционно-демократическому представлению о Кавказской войне позапрошлого века. А значит — поддержанию её в перманентном, непрерывно продолжающемся состоянии... Остаётся задать не находящий пока ответа вопрос: а почему это делается, по неведению или из умысла?

Нельзя не обратить внимание на оформление книги. Кавказский наборный пояс, по замыслу составителя вроде бы символизирующий единство народов Северного Кавказа, на обложке брошен на географическую карту. Почему названия республик на этой карте даны в латинском написании, на английском языке, сказать трудно. К примеру, там уже нет Северной Осетии, но есть North Ossetia. Иначе, как то, что издателями книги единство народов Северного Кавказа видится *вне культурного и языкового ареала* России, это понять невозможно. Так им представляется будущее этого региона. Что значат в сравнении с этим красивые и правильные декларации?..

Меня могут упрекнуть в том, что на примере только одной книги я прихожу к столь жёстким выводам. Однако недостаточно глубокое понимание Северного Кавказа, за редким исключением, мне видится чуть ли не повсеместным. Связано это, безусловно, с общим падением культурного уровня и разорванностью информационного пространства (при всех декларациях об “информационном обществе”). Во всяком случае, в писательской среде, всё более перестающей быть литературной, мне постоянно встречаются легковесные и безответственные писания о Северном Кавказе, не основанные на исторических познаниях, а скорее вынесенные из гастрольных поездок.

Владимир Бондаренко на страницах своей газеты “День литературы”, решив поразмышлять о Русском Кавказе и высказать “своё собственное понимание достаточно острой общегосударственной проблемы”, вместе с тем предпринимает концептуальный пересмотр геополитического положения Северного Кавказа. Разумеется, из самых добрых побуждений. Он задаётся вроде бы вполне логическим вопросом: “Итак, почему Северный Кавказ, а не Южная Россия? Не означает ли это нашу собственную, для начала лингвистическую, семантическую, языковую капитуляцию? Сдачу русских позиций на Кавказе?.. Наша система уже как бы заранее готовится сдать русский Кавказ чужим?!” (№ 9, 2007).

Безусловно, автор прав в том, что от уровня и глубины осмысления зависит то или иное жизненное положение. Но так ли уж безупречна эта подхваченная Владимиром Бондаренко у других авторов, скажем так, формула — “Русский Кавказ”? Нет, она вовсе не безупречна. Более того, в определённой мере провокационна. Уже хотя бы потому, что односторонняя. Ведь опыт последних трагических лет на Северном Кавказе, казалось бы, должен уже был убедить в том, что равновесие в этом многонациональном регионе достигается только при условии равноправных отношений, исключающих как иждивенческое отношение к русскому народу, так и давление со стороны центральной власти. К тому же эта формула, прямо не называемая, в советское время работала, и неплохо работала. Но ведь всё-таки рухнула, и в ответ на неё элиты республик Северного Кавказа бросились на поиски новой самоидентификации и новой геополитической ориентации. Упрекать их в этом нет оснований, так как они столкнулись с полным непониманием региона не только со стороны властного центра, но и специфики вроде бы образованных

русских людей, несмотря ни на что обязанных вразумлять своих сограждан. И тут одними декларациями не обойдёшься.

Дело в том, что понятие “Русский Кавказ” Владимир Бондаренко повторяет вслед за Вячеславом Шульженко, представляя его книгу “Русский Кавказ: очерки междисциплинарных исследований: Монография” (Пятигорск “ПятГРА”, 2007). И тут же даёт его публикацию “Славянская прародина”. Что особенно поражает в этой публикации газеты “День литературы”, так это несоответствие и даже противоречие деклараций Владимира Бондаренко и тех выводов, к которым приходит в своих исследованиях Вячеслав Шульженко. В самом деле, Владимир Бондаренко, побывав в семье карачая, восхищается тем, что “мусульманство даёт им опору в жизни”, умалчивая, между прочим, о том, а как, собственно, обстоит дело с верой у тех русских людей, о судьбе которых он вроде бы печётся, уготовляя для них новую идеологию. Приходится это писать уже по праву принадлежности к тому самому “южнорусскому” типу, который Вячеслав Шульженко выводит в своих исследованиях. Сам же Вячеслав Шульженко каким-то образом приходит к выводу, что этому “южнорусскому” типу присуще “небольшое влияние церкви”. Причём в небольшой публикации почему-то настаивает на этом дважды: “Чисто ритуальное присутствие церкви”. И это в казачьей-то среде?! И в то же время описывает уникальные раннехристианские храмы в этом регионе. Как одно с другим согласуется — неведомо.

Ну что касается раннехристианских памятников в Причерноморье, то, слава Богу, началось их системное изучение. Во всяком случае, вышли книги покойного митрополита Ставропольского и Бакинского Гедеона “История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России” (Москва—Пятигорск, 1992), В. А. Кузнецова “Христианство на Северном Кавказе до XV в.” (Владикавказ, 2002), Л. Г. Хрушковой “Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья” (М., “Наука”, 2002).

Кроме того, Вячеслав Шульженко выводит ещё одну особенность “южнорусского” типа, которую я не замечаю ни в себе, ни в серьёзной исторической литературе XIX века. На этой особенности он тоже зачем-то настаивает дважды: “Ощущение своего отличия от “мужика”. Речь, разумеется, идёт о казачестве, являющемся феноменом русской жизни и судьбы, геополитического положения России. Это суждение просто обывательское, возникшее в основном в среде первой волны эмиграции, а потом реанимированное в наши “реформаторские” годы. Вот такая выходит “забота” о русских людях, живущих на Северном Кавказе: красивые и вроде бы правдоподобные декларации — и совершенно противоположная суть дела.

Порой просто поражаешься, как упрощённо русские писатели понимают события, происходящие на Северном Кавказе. Как, к примеру, в стихотворении “Кавказ” Геннадия Иванова, две из трёх строф которого я просто обязан привести:

*...Затишья и грозы Кавказа...
Так, видимо, будет всегда.
Война тут живёт, как зараза,
России отсюда беда.*

*Что делать, что делать России
Покуда, нам ясно одно:
Спасительна здесь только сила.
А дальше — неясно, темно.*

(“Литературная Россия”, №5, 2007)

Вот уж поистине интеллектуальная капитуляция пред сложностью и непонятностью событий и в регионе, и в собственной стране!

Следует сказать и о том, что подобные писания находятся вне традиции русской литературы, для которой Кавказ ещё со времён А. С. Пушкина стал поэтической родиной. Напомню известное стихотворение Сергея Есенина “На Кавказе”.

*Издравле русский наш Парнас
Тянуло к незнакомым странам.
И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.*

Примечательно, что поэт, как и его предшественники, оказывается на Кавказе во все не для бесстрастной и высокомерной оценки там происходящего, а для собственно-духовного спасения:

*И я от тех же зол и бед
Бежал, навек простясь с богемой.
...Чтоб воротясь опять в Москву,
Я мог прекраснейшей поэмой
Забить ненужную тоску
И не дружить вовек с богемой.*

Причём это духовное и творческое спасение оказывается для поэта обоюдным:

*Ты научи мой русский стих
Кизиловым струиться соком.*

Да и ранее русские поэты, со времён Михаила Лермонтова, который, между прочим, там воевал и там погиб, иначе, чем наши нынешние литераторы, относились к Кавказу, исповедуя и находя равновесие между народами этого края. Вот где таится основная опасность беспокойствия на Северном Кавказе — непонимание и нежелание понимать этот своеобразный, многоликий и прекрасный регион России. В доказательство этого приведу в заключение стихотворение Алексея Апухтина “Братьям”, написанное ещё в 1877 году:

*Светает... Не в силах тоски превозмочь,
Заснуть я не мог в эту бурную ночь.
Чрез реки, и горы, и степи простор
Вас, братья далёкие, ищет мой взор.
Что с вами? Дрожите ли вы под дождём,
В убогой палатке, прикрывшись плащом,
Вы стонете ль в ранах, томитесь в плену
Иль пали в бою за родную страну,
И жизнь отлетела от лиц дорогих,
И голос ваш милый навеки затих?..
О Господи! Лютой пылая враждой,
Два стана давно уж стоят пред тобой;
О помощи молят тебя их уста,
Один за Аллаха, другой за Христа.
Без устали, дружно во имя твое
Работает пушка, и штык, и ружьё..
Но, Боже! Один ты, и вера одна,
Кровавая жертва тебе не нужна.
Яви же борцам негодующий лик,
Скажи им, что мир твой хорош и велик,
И слово забытое братской любви
В сердцах, омрачённых враждой, оживи.*